

Наука и переустройство общества (на материале одной дискуссии 1939 г.)¹

П.А. САФРОНОВ

На основе неопубликованных архивных материалов в статье исследуется эпизод полемики между советскими генетиками и агробиологами в конце 1930-х гг. Показывается, каким образом агробиологам удалось добиться победы в споре за счет привлечения внешнего социально-политического контекста. Выдвигается предположение, что поражение генетиков было связано с их стремлением сохранить принцип индивидуализма в науке в виде указания на случайный характер генетических мутаций. Предложенная агробиологами модель, напротив, предполагала радикальную экстерииоризацию научного знания, вынесение его на всеобщее обозрение. Тем самым наука становилась доступной для применения приемов тотальной мобилизации и сама в свою очередь обеспечивала ее.

Ключевые слова: генетика, агробиология, наука, различие, мобилизация.

Советская биология как герменевтический проект. Судьба генетики и генетиков в Советском Союзе часто описывалась в терминах борьбы истин-

¹ Автор выражает признательность за ценные консультации документоведу архива МГУ Н.П. Каргиной.

ной науки с лженаукой². В настоящем тексте я хотел бы представить иной угол зрения. Исходный тезис заключается в том, что спор *советской* генетики и *советской* агробиологии следует описывать и анализировать как конкуренцию двух концепций социальной реальности в целом и места науки в этой реальности в частности. Две названные концепции становятся тогда примерами различных инструментальных техник, обслуживающих дисциплинирующий властный взгляд³.

Лысенковская агробиология, точно так же как и советская генетика, были своеобразными ответвлениями единого проекта тотальной переделки мира, который использовал исследование природы как средство изучения и расшифровки общества. В ретроспективе заметно близкое сходство агробиологии с евгеническими экспериментами генетиков в 1920-е гг. Последние тоже хотели изменить общество, но при этом не видели возможности прочесть всю природу целиком как общество, *просто* увидеть в природе *готовое* общество. Разница агробиологии и генетики заключается не столько в наличии или отсутствии социальной ангажированности, сколько в той оптике, при помощи которой рассматривается/проговаривается реальность.

Генетическое «речевое зрение»⁴ было, во-первых, аналитическим, т.е. предполагало возможность исследования в терминах комбинаций и рекомбинаций единиц, и, во-вторых, локальным, т.е. работало на уровне выявления *отдельных* признаков *отдельных* видов. Агробиологическое зрение, напротив, характеризовалось синтетичностью, т.е. работало на уровне определенных нерасчленимых единств, и, кроме того, было тотальным, т.е. принципиально не отделяло эти единства от того фона, на котором они выступали или, точнее говоря, из которого они вырастали. Герменевтика агробиологии заставляла природу заговорить от лица общества, чтобы это последнее увидело в природных процессах смысл собственного функционирования и, поняв природу, смогло правильно понять самоё себя⁵.

Любая открытая дискуссия между генетиками и агробиологами выглядит поэтому скорее не научным спором, направленным на достижение истины, а конкуренцией герменевтического потенциала двух способов *усмотрения*. При этом советские генетики, как и их

² Дубинин Н.П. История и трагедия советской генетики // Избр. труды. Т. 4. М., 2002; Сойфер В.Н. Власть и наука (Разгром коммунистами генетики в СССР). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2000.

³ См.: Scott J.C. Cities, People, and Language // The Anthropology of the State: a Reader ; A. Sharma & A. Gupta (eds.). Oxford, 2006. P. 247–269.

⁴ О речевом зрении в связи с советской культурой см.: Рыклин М.К. Террорологии. М., 1992.

⁵ Ср. с определением герменевтики у М. Фуко: «Будем называть герменевтикой совокупность знаний и приемов, позволяющих заставить знаки заговорить и раскрыть свой смысл...» (Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. С. 66).

конкуренты-агробологи, допускали прямые ссылки на идеологические построения в своих научных исследованиях⁶, и так же слабо были связаны с реальной селекционной работой⁷. Основное различие заключалось в оптике понимания: если генетики видели в своем предмете не более чем природный объект, то представители агробологии наделяли природу в целом субъектностью, причем субъектностью выстроенной и препарированной таким образом, чтобы отражать и/или моделировать свойства советского общества, советского коллектива, тяготеющего к редукции сложности в своем составе. Следовательно, мешающим и подозрительным было все то, что увеличивало сложность изучаемых природных объектов – совокупность различий между ними. Различия между средой и организмом, различия между наследуемыми и приобретенными признаками, наконец, различия между теорией и практикой подлежали устранению.

Синтетическое тотальное зрение лысенковцев целенаправленно стирало различия в живой природе таким образом, чтобы получить возможность *просто* перейти от природного целого к природной части – человеку – и в нем тоже не обнаружить никаких различий. А затем от однородно организованной человеческой массы опять *просто* перейти к целому – но уже к целому общества, в котором не будут видны никакие различия. Система организованных переходов от целого к части и обратно, основанная на постоянно поддерживаемом подозрении к различию, образует то, что можно назвать герменевтическим кругом советской (агро)биологии. Последовавший в 1940-е гг. разгром генетиков было связан не с тем, что они не были достаточно ревностными приверженцами советского строя, не с тем, что они слабо защищались, а с тем, что они хотели остаться в пределах определенных границ, сохранить различие природы и общества и в результате не смогли увидеть самой главной – герменевтической – задачи советской науки.

⁶ В дневниковой записи от 10.01.1945 заведующий кафедрой генетики биофака МГУ А.С. Серебровский высказывает намерение «поддерживать престиж диалектического материализма и генетической науки в СССР», не проводя различия между первым и вторым. (Цит. по: *Серебровский А.С.* Биография, научное наследие, избранное; Сост. З.Г. Кокиева. М., 2007. С. 109). Л.Р. Грэхэм справедливо замечает, что многие советские ученые-естествоиспытатели, включая Серебровского, «подчеркивали эвристическое значение идей марксизма для их творческой деятельности еще до того, как этого от них стали требовать» (*Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 21). Подробнее о философских дискуссиях в довоенной советской генетике см.: *Фандо Р.А.* Формирование научных школ в отечественной генетике в 1930–1940-е гг. М., 2005.

⁷ Как следует из воспоминаний очевидцев, советские селекционеры в 1930 и 1940-е гг. не использовали данные генетики в своей практической работе. См.: *Елина О.Ю.* Между научной теорией и сельскохозяйственной практикой. Селекционеры и Лысенко, 1948–1955 // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки; под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского. СПб., 2002. С. 376–392.

Пределы действия: агробиологическая трансгрессия. Во второй половине апреля 1939 г. на биологическом факультете МГУ состоялась научная сессия, посвященная 130-летию со дня рождения Чарльза Дарвина. Во вступительном слове декан биологического факультета доцент С.Д. Юдинцев так определял цель собрания: «Задача нашей сессии заключается в том, чтобы, с одной стороны, подвести итоги развития нашей советской науки и в том числе в стенах нашего МГУ, а с другой стороны, взяв в основу теорию великого Дарвина, попытаться наметить перспективу развития биологической науки, увязывая ее с задачами нашего народно-хозяйственного плана третьей пятилетки»⁸.

Однако в действительности речь пошла о другом. Обсуждение сосредоточилось на разговоре только об одной «части» советской науки – генетике. В тексте стенограммы дарвиновской сессии ощущается, что присутствующие чувствуют какое-то неустрашимое неудобство, связанное с генетикой. Неудобство, которое некоторые участники дискуссии даже не называют прямо. Однако внимательное изучение всех материалов дискуссии все же дает представление о том, что же так беспокоило собравшихся на дарвиновскую сессию биологов Московского университета в положении советской генетики. Источником беспокойства было желание генетиков так или иначе *определить границы* спора, *отделить* обсуждаемые вопросы и понятия от необсуждаемых. Но именно это разделение и не представлялось возможным их коллегам. Более того, стремление к точному формулированию имеющих отношение к делу вопросов становилось симптомом общей неудовлетворительности генетики: «Так выходило, что естественным наследником Дарвина является то учение, которое занимается изменчивостью. Это позиция, которая сейчас большинством поддерживается. Я думаю, что это неверная позиция и совершенно дело не в том, как указал один из выступавших, что недоучитывать хромозомы, это обывательщина, это позор для профессора университета. Это только красивые слова. Это обнаруживает метафизичность того, кто возражал. Он не может выпрыгнуть из того, чему обучался на университетской скамье. У него представление, что вот, ядро, хромосома и все»⁹.

⁸ Вступительное слово С.Д. Юдинцева // Стенограмма заседания дарвиновской сессии биологического факультета МГУ 19.04.1939. Архив МГУ (далее – АМ). Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 1. Порядок нумерации единиц хранения, а также нумерация листов в отдельных делах в ряде случаев нарушена, что затрудняет установление точной последовательности выступлений. Документы цитируются с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

⁹ Выступление Г.Г. Щёголева в полемике по докладом // Там же. Ед. хр. 28. Л. 114. (Григорий Григорьевич Щёголев – профессор кафедры энтомологии биофака МГУ, заведующий кафедрой биологии третьего Московского медицинского института. Здесь и далее сведения о выступавших приводятся по состоянию на апрель 1939 г.)

Ограничиться ядром и «хромозомой» было никак нельзя. Собственно говоря, нельзя было ограничиваться геном. Ошибка генетиков заключалась в том, что они хотели заниматься *только* геном, *только* генетикой и ничем больше. Научная принципиальность приобретала черты опасного политического заблуждения: «Трудно поверить, что еще в 1939 г. продолжает существовать гипотеза, которая стремится эту своеобразную белковую молекулу отгородить от общего процесса»¹⁰.

Советской генетикой могла быть, очевидно, только генетика, не стоящая в стороне от «общего процесса». Какого «общего процесса»? Надо полагать, процесса перестройки советской науки, *неотделимого* от перестройки самой реальности. Ведь стоит только науке перестроиться, и реальность *просто* сама пойдет к ней навстречу: «Вот старушка-уборщица: дайте ей неизвестных сортов капусты рассады 3–4–5 листьев, и она вам определит: вот это скороспелый сорт, это – более поздний, это – еще более поздний. Т.е. это уже перестало быть для нас наукой, если можно так выразиться, уже научная часть прошла. Настолько это просто»¹¹.

Наука и реальность чудесным образом сливаются вплоть до полной неразличимости. Научным становится то, что *просто* дает говорить реальности. Критерий научности заключается в парадоксально последовательном устранении следов науки как таковой. Стирание различия науки и простого созерцания оказывалось настолько эффективно, потому что не требовало для своего усвоения никакого культурного ресурса. Тем самым все что требовалось от ученых – это просто особая – органическая – чувствительность к природе. Наука фактически переставала быть частью культуры и превращалась в часть природы. Видимая деятельность природы непосредственно, зримо воплощается в действительности науки: «Товарищи, мы должны подчеркнуть, что ближайшей нашей задачей является это новое, передовое, прогрессивное направление нашей советской науки, которая уже внесла огромный вклад в нашу практику. Мы должны дать ей широкий простор, ибо это действенный советский дарвинизм, который выражают стахановцы наших социалистических полей и наших совхозов, который выводят высокоурожайные сорта растений и высокоплодовые сорта скота»¹².

¹⁰ Ответы Х.С. Коштыянца на вопросы по его докладу // Стенограмма заседания дарвиновской сессии биологического факультета МГУ 20.04.1939 (АМ. Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 59). (Хачатур Седракович Коштыянец – профессор кафедры физиологии животных биофака МГУ, заместитель директора Института эволюционной морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР, член-корреспондент АН СССР.)

¹¹ Доклад Н.П. Кренке «Теория циклического старения и омоложения в онтогенезе» // Там же. Ед. хр. 27. Л. 34. (Николай Петрович Кренке – заведующий лабораторией морфологии развития растений АН СССР.)

¹² Доклад П.П. Бондаренко «Из истории борьбы за дарвинизм в России и СССР» // Там же. Ед. хр. 22. Л. 2. (Петр Петрович Бондаренко – профессор кафедры дарвинизма биологического факультета МГУ.)

По логике приведенной цитаты получается, что стахановцы «выражают» дарвинизм и при этом ничего не говорят. По большому счету им даже не нужно ничего говорить. И уж во всяком случае они не говорят так отвлеченно и сложно, как генетики: «Конкретная работа должна наполнить конкретным содержанием многие вопросы, которые сейчас встают, а если мы будем их сейчас обсуждать, не имея материала, это будет носить несколько схоластический характер»¹³.

Проблема генетиков заключается в том, что они не могли и не хотели допустить этого свободного взаимопротекания науки и действительности. Они продолжали придерживаться убеждения, что наука должна чем-то отличаться от *простой* реальности восприятия. Динамизму живого непосредственного восприятия генетики намеревались противопоставить сложные политические или концептуальные различия. Напрасно они пытались доказать, что генетика является «подлинно материалистической наукой»¹⁴, или отделить генетику от евгеники. Ими не была осознана необходимость – говоря словами одного из участников той дарвиновской сессии – дать говорить *самой* жизни, «которая бьется сейчас за стенами Московского университета»¹⁵. Вопрос, подспудно двигавший всю дискуссию, заключался не столько в разделении материализма и идеализма, дарвинизма и антидарвинизма, сколько в правильном выборе масштаба или критерия существования объекта научного исследования, определение которого руководствовалось фактически одним правилом: все, что существует, должно быть видимо, причем видимо здесь и сейчас. Ничто существующее не может быть скрыто, отделено, изолировано от общего процесса. Соответственно то, что генетика «тенденциозно» оперировала сущностями, недоступными для прямого восприятия, тут же становилось поводом для рассмотрения самой генетики как подозрительной, скрывающей враждебную и чуждую советскому строю сущность. Готовность «новой» мичуринско-лысенковской генетики переделывать природу в конце концов никак не была связана с действительными успехами в этой переделке. Гораздо важнее было то, что занятие переделыванием природы действительно способствовало глубокой переделке самой науки. Советским ученым не приходилось гадать в поисках ответа на вопрос о том, как именно переделывать науку. Такой ответ уже был дан Сталиным на кремлевском приеме в мае 1938 г.,

¹³ Доклад Г.Ф. Гаузе «Творческая роль естественного отбора в эволюции» // Стенограмма... Ед. хр. 28. Л. 74. (Георгий Францевич Гаузе – доцент биологического факультета МГУ, сотрудник лаборатории экологии Научно-исследовательского института зоологии МГУ.)

¹⁴ Выступление И.А. Рапопорта // Там же. Л. 97. (Иосиф Абрамович Рапопорт – старший научный сотрудник Института экспериментальной биологии АН СССР.)

¹⁵ Выступление Г.Г. Щёголева // Там же. Ед. хр. 24. Л. 191.

предложившим поднять тост за «процветание науки, которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой <...> которая понимает смысл, значение, всемогущество союза старых работников науки с молодыми работниками науки <...> за процветание той науки, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устаревшими, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, и которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки».

В этой же речи утверждалось далее, что «новые пути в науке и технике» могут часто прокладывать «совершенно не известные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела». Примерами служили Стаханов и Папанин. Заканчивалась речь следующим образом: «Вот какие еще бывают “чудеса” в науке. Я говорил о науке. Но наука бывает всякая. Та наука, о которой я говорил, называется ПЕРЕДОВОЙ [так в тексте. – П.С.] наукой»!¹⁶

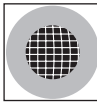
С учетом сталинских пожеланий-указаний становился яснее действительный мотив всей дарвиновской сессии биофака МГУ: «Надо ближе связаться с жизнью, прислушиваться к голосу жизни, а не быть в шорах формальной генетики, которая довлеет над ними [генетиками]. В чем сила Мичурина и Лысенко? В том, что они рассматривают дарвинизм как действенное учение. Они опираются на нашу практику, обобщая массовый опыт наших колхозов и совхозов. Вот в чем их сила, вот в чем их опора»¹⁷.

Задача переделывания природы не была, однако, чисто научной задачей. Она мыслилась из-за горизонта тотальной мобилизации советской науки на борьбу ... с самой собой. Точнее, на борьбу «новой науки» с «устаревшей наукой». В определении места генетики относительно соотношения нового и устаревшего сомнений не было: «У нас имеется передовой лозунг, который выдвигается академиком Лысенко, что нужно активно воздействовать на природу и преобразовывать ее в целях и интересах народного хозяйства. И генетикам нужно прислушаться к этому лозунгу, а не топтаться на месте, защищая старые взгляды»¹⁸.

¹⁶ Речь тов. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17.05.1938 // Правда. 1938. 19 мая. Интересно, что первым в МГУ на сталинский призыв откликнулся доцент кафедры генетики С.И. Алиханян, уже 26.05.1938 в статье «За процветание нашей передовой науки» предложивший «организовать пересмотр всей тематики университета» // Московский университет. 1938. 26 мая.

¹⁷ Заключительное слово С.Д. Юдинцева // Стенограмма... Ед. хр. 29. Л. 6.

¹⁸ Выступление П.П. Бондаренко // Там же. Ед. хр. 27. Л. 71.

Проблема заключалась не в том, чтобы – как казалось генетикам – отделить корректные результаты от некорректных, а в том, чтобы перестроить науку таким образом, чтобы она была явно, *зримо* отвечающей логике преобразования индивидуального в интересах коллективного. Именно это превращало советскую науку в науку нового типа. Отсутствие или даже уничтожение понятий и исследовательских практик, апеллирующих к каким-либо самостоятельным, автономным сущностям, – вот что было ее ядром как социального предприятия. Консервативность, «устарелость» генетики заключалась именно в неустранимой независимости ее предмета – гена: «Они [генетики] разбивают организм как единое целое на атомы, которые ведут себя самостоятельно, независимо и которые в отдельности обуславливают признаки организма»¹⁹.

Природа как образец (для) социальной реальности. Попробуем проделать небольшой мысленный эксперимент: заменим в этой цитате слово «организм» на слово «общество» и слово «атомы» на слово «личность». Тогда перед нами окажется готовое описание сугубой противоположности *нового* советского общества. Так, «просто-та» природы, перевод науки на «простой» язык видимых вещей оказывается способом возвратного упрощения общества, в котором нет и не может быть ничего «независимого», автономного. Советская биология, реализуя общую установку передовой науки, становится в данном случае способом социального проектирования, на языке органических метафор описывающим *политическую* задачу трансформации каждого человека: «Если заставить организм питаться органической пищей другого растения, то этот организм будет строить свои ветки из пластического вещества другой породы. Вследствие этого организм может быть иным по своей породе, он может стать совершенно другим»²⁰.

В основе всех этих рассуждений лежит идея об отсутствии *внутренних* ограничений для любого преобразования. Иными словами, преобразование представляется лишенным границ. Ничего внутрен-

¹⁹ Выступление А. Клешина // Там же. Ед. хр. 29. Л. 35. (А. Клешин – студент-старшекурсник биологического факультета МГУ. Имя и отчество установить не удалось. 10.05.1939 за подписью А. Клешина в газете «Московский университет» появилась статья «Генетики или биология развития?», где, в частности, утверждалось, что генетика «учение идеалистическое, метафизическое и от нее не так уж далеко до поповщины». В этом же номере помещена заметка о прошедшей дарвиновской сессии, заканчивающаяся следующими словами: «В университете мало работают над конкретизацией новых идей, внесенных в науку академиком Т.Д. Лысенко, поэтому и материала для дискуссии у научных работников факультета не было» (Московский университет. 1939. 10 мая.))

²⁰ Доклад А.С. Филиппова «Опыты вегетативной гибридизации картофеля» // Там же. Ед. хр. 27. Л. 42. (А.С. Филиппов – сотрудник Института картофельного хозяйства. Инициалы расшифровать не удалось.)

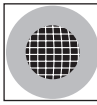
него, т.е. невидимого извне, у организма-индивида быть не может. Он доступен (видим) полному истолкованию (обзору), и именно такая доступность оказывается гарантией его природности: все невидимое кажется уже не вполне естественным и, может быть, даже сверхъестественным. В такой ситуации «противопоставление» генотипа фенотипу оказывается сродни «противопоставлению» души и тела. Советская герменевтика природы строится на принципе экономии, редуцирующем посредствующие звенья между желанием воздействовать на организм и «реальным» изменением этого организма. Никаких теоретических границ здесь быть не может, поскольку сама теория уже ничем не отличается от особым образом настроенного зрения, с легкостью читающего очевидные знаки природы: «[Наблюдение позволяет строить] график растений, отражающий все им пережитое. Все это сказывается на возрастных признаках, нужно только уметь читать. Поэтому когда трактовали вопрос о том, что мою лабораторию нужно во что бы то ни стало присоединить куда-нибудь, то я сказал, что лучше всего – в Институт Языков, потому что это – язык растений»²¹.

Очевидность языка природы открывает путь к ее трансформациям. Природа видна, а значит, изменяема. Хорошая видимость природы служит образцом для ученых, которые, опять-таки вопреки очевидности, пытаются что-то скрыть. Однако для советской оптической герменевтики попытка скрыть, не заметить, не отреагировать парадоксальным образом тоже становится достоянием зрения, диагностирующего нарушение естественного порядка при помощи языка, причудливым образом сочетающего механические и органические образы: «На нашей конференции “отсутствует” биологический факультет во главе с его уважаемым деканом. Т.е. физические тела, совокупность которых составляет биологический факультет, здесь находятся и, вероятно, функционирует все, что полагается в смысле функционирования в живых телах, но та функция, которая от них сейчас требуется, она не действует. Я считаю это неправильным. Я начинаю чувствовать, что при таких условиях моя фигура, да еще размахивающая руками на этом общем фоне молчания представляет, вероятно, очень странное явление, и я думаю, что мне лучше всего удалиться. Но удаляясь, я нейтрализую это неприятное субъективное ощущение, пусть это будет отрицанием моих взглядов или подтверждением, я вот чем нейтрализую. Я думаю, что та точка зрения, которую отстаиваю я, это та точка зрения, которая является правильной точкой зрения»²².

Функцией биологического факультета должно было стать формирование совместно разделяемой точки зрения, определяющей дальнейшую стратегию понимания. Такое зрение можно назвать утопиче-

²¹ Доклад Н.П. Кренке // Стенограмма... Л. 15.

²² Выступление Г.Г. Щёголева // Там же. Ед. хр. 24. Л. 191.

ским, так как оно не столько обращено *на* какой-то определенный объект, сколько устремлено *к* чему-то за горизонтом непосредственной видимости, чему-то пусть и недостаточно хорошо различимому, зато осязательному в едином ритме «функционирования» всего советского народа и даже больше – всего «передового человечества»: «Перед советскими биологами стоит почетная задача на конкретном фактическом материале, доведенном в его осуществлении до теории дарвинизма, а через нее до практики социалистического строительства, оправдать надежды, возлагаемые на них передовым человечеством»²³.

И советские биологи смогли *увидеть* эту задачу.

Логика мобилизации в науке. Герменевтическая конкуренция генетиков и агробиологов строилась вокруг спора о необходимости различий в науке и социальной практике. Подчеркивая своеобразие структур наследственности, генетики тем самым обнаруживали опасный прецедент неуправляемого органического движения. Напротив, агробиологи, подчеркивая очевидное (им) *извне* единство принципов функционирования разных организмов, обеспечивали реализацию тотальной социальной мобилизации в науке. В настоящей статье было показано соответствие определенного множества языковых практик набору стратегий коллективного действия. Формирование советской науки как института в такой перспективе мыслится как результат закрепления некоторого числа доминирующих способов словоупотребления, которые, отсылая к определенному видению будущего, одновременно создают контекст для его прагматического воплощения. Движущим мотивом рассмотренной дискуссии оказывается стремление к чисто словесному осуществлению заведомой утопии²⁴. Для агробиологов единственным возможным результатом дискуссии была она сама, выстроенная по определенным правилам. Именно этот радикальный риторический релятивизм позволил им надолго овладеть командными высотами советской биологии и агрономии. Решающее значение здесь имеет глубокое внедрение описания научной деятельности в мобилизационных и плановых терминах. Здесь обнаруживается точка соединения тех языковых практик и социальных стратегий, сцепление которых создало сталинскую науку.

²³ Доклад Б.С. Матвеева «Закономерности эволюционной морфологии и дарвинизм» // Стенограмма... Ед. хр. 29. Л. 80. (Борис Степанович Матвеев – профессор, заведующий кафедрой зоологии и сравнительной анатомии позвоночных биологического факультета МГУ.)

²⁴ О компенсаторной природе риторических механизмов научного и художественного творчества в советской культуре сталинского периода см.: *Добренко Е.* Политэкония соцреализма. М., 2007.